Hasta los huesos
Till the bones
До костей

By Veronika Moskaleva

Table of Contents

Hasta los huesos 3

Till the bones 4

До костей 5

Hasta los huesos

La carne que se ve dentro del corte de la piel de un muerto siempre me hace pensar en la vida que empujaba el presente cadáver de un lado a otro. La carne que envolvía sus huesos con cariño y firmeza, sosteniéndole durante toda la vida. Me lleno de ternura mirando la dirección de la fibra, las venas. La primera vez que tuve una arteria en la mano me emocioné tanto, que no pude dormir toda la noche, solo escribía en mi diario y de vez en cuando lloraba. La emoción parecida a cuando veo el tronco cortado de un árbol enorme. Cuantos más anillos muestra, más sensible me hago, más lo quiero tocar.

No toco nada sin intención de conectarme y llenar mi vacío con aquello que me puede llenar.

Cuando falleció mi mujer sentí la pérdida tan profunda, que ni siquiera podía imaginar que mi corazón se abriría de nuevo.

Luego me la llevaron al morgue para el procedimiento estándar de autopsia. Pasé la mayor parte de mi vida con ella, y ahora su cuerpo que tanto conocía desde fuera, se abrió para mí desde dentro. Conocí todos los mecanismos que le daban su forma de ser tan extraordinaria que tanto me tenía enamorado. No le podía mirar a la cara. Cuando abrí su cráneo y deposité el cerebro sobre la mesa me enamoré de nuevo. Lo tocaba deslizando mis dedos por los pliegues de la materia gris y pensé que nunca había estado tan cerca de ella, nunca llegué a conocerla tan bien. Sostenía 80 billones de neuronas preciosas, muertas en mis manos, y sentía lo que podía describir como una presencia divina, si pudiera creer en Dios.

Pero lo mejor fue abrir la caja torácica y encontrar, escondido entre dos almohadas vacías, lo que escuchaba tantas veces latir. Lo sostuve en las manos, lo apreté, lo acerqué a mi cara para verlo mejor y, sin querer, sin saber lo que iba a pasar, lo besé. El olor a hierro, la textura mojada, deslizante, quedaron grabados en mí.

No lo olvidé ni cuando la enterramos, ni cuando la casa poco a poco perdió los rasgos de haber sido habitada por ella, ni cuando por fin tomé mi última respiración agarrando su clavícula, que robé del morgue aquel día.

Es ilegal tener restos de personas en casa, pero me hacía feliz tenerla cerquita hasta el final.

Till the bones

Seeing flesh though a cut in skin always makes me think about the life that once pushed that now lifeless body around. The flesh that held their bones together with such firm tenderness, supporting them upright throughout their life. I am filled with affection when I observe the direction of the fibres,the veins. The first time I ever held an artery in my hand I was so overwhelmed that kept me up all night. I only wrote in my journal and, every now and then, cried. It is the same feeling I get when I see the cut trunk of an enormous tree. The more rings it reveals, the more sensitive I become, the more I want to touch it.

I never touch anything without a deliberate intention to connect with it and fill the emptiness inside me with whatever it has to offer.

When my wife died the loss was so profound, I couldn't imagine my heart ever opening again.

Then she came to me to the morgue for the standard autopsy procedure. I had spent most of my life with her, and now the body I had known so well from the outside opened itself to me from within. I came to know all the mechanisms that had made her into the extraordinary being I had loved so deeply. I couldn't look at her face. When I opened her skull and laid her brain on the table, I fell in love all over again. I touched it, letting my fingers glide across the folds of the grey matter, and I thought that I had never been so close to her before. I had never truly known her so well. Eighty billion beautiful neurons rested in my hands, lifeless, and I felt something I could only describe as a divine presence, if I had believed in God.

But the best part was opening her ribcage and finding, hidden between two empty pillows, the thing I had listened to beating so many times. I held it in my hands, pressing it gently. I brought it close to my face to look at it better and, without meaning to, without knowing what was going to happen, I kissed it. The smell of iron, the wet, slippery texture, stayed with me forever.

I never for got it. Not when we buried her. Not when the house slowly lost the traces of having been inhabited by her. Not even when I finally took my last breath, holding the clavicle I had stolen from the morgue that day.

It's illegal to keep human remains at home, but having her close made me happy until the very end.

До костей

Вид плоти в разрезе мёртвой кожи всегда наводит меня на мысли о жизни, которая когда-то двигала это теперь уже безжизненное тело. О плоти, что с такой нежной силой обнимала его кости, поддерживая их всю жизнь. Меня переполняет нежность, когда я рассматриваю направление волокон, вены. Первый раз, когда я держал в руке артерию, я был настолько потрясён, что не мог уснуть всю ночь. Я только писал в дневнике и время от времени плакал. Такое же чувство возникает у меня, когда я смотрю на срез огромного древесного ствола. Чем больше годичных колец он открывает, тем чувствительнее я становлюсь, тем сильнее мне хочется к нему прикоснуться.

Я никогда не прикасаюсь ни к чему без осознанного желания заполнить свою пустоту тем, чем я восхищаюсь в предмете моего касания.

Когда умерла моя жена, утрата была настолько глубокой, что я не мог даже представить, что моё сердце когда-нибудь снова откроется.

Потом она пришла ко мне в морг для стандартной процедуры вскрытия. Я прожил с ней большую часть своей жизни, и теперь тело, которое я так хорошо знал снаружи, открылось мне изнутри. Я познакомился со всеми механизмами, благодаря которым она была тем необыкновенным существом, которое я так глубоко любил. Я не мог смотреть ей в лицо. Когда я вскрыл её череп и положил мозг на стол, я снова влюбился. Я прикасался к нему, медленно проводя пальцами по складкам серого вещества, и думал, что никогда прежде не был к ней так близок. Никогда раньше я не знал её так хорошо. В моих руках покоились восемьдесят миллиардов прекрасных нейронов, уже мёртвых, и я чувствовал нечто, что мог бы назвать божественным присутствием, если бы верил в Бога.

Но лучше всего было вскрыть грудную клетку и найти, спрятанное между двумя пустыми подушками, то, чье биение я столько раз слышал. Я держал его в руках, мягко сжимая. Поднёс к самому лицу, чтобы лучше рассмотреть, и, сам того не желая, не зная, что сейчас произойдёт, поцеловал его. Запах железа, влажная, скользкая поверхность навсегда запечатлелись в моей памяти.

Я уже никогда этого не забыл. Ни когда мы её похоронили. Ни когда дом постепенно потерял следы её присутствия. Ни когда я наконец сделал свой последний вдох, сжимая ключицу, которую украл в тот день из морга.

Хранить человеческие останки дома незаконно, но мне было спокойнее оттого, что она была рядом со мной до самого конца.